

О работе секции

Секция «Общее финно-угроведение» работала в течение трех дней, прозвучало всего 40 докладов. По содержанию и по представленным языкам заседания были неоднородны.

В целом можно отметить, что — хотя участники и имели возможность предварительно познакомиться с тезисами докладов — в сравнительно редких случаях последние сопровождалось обсуждением. Тем самым доклады в первую очередь послужили источником информации, но не стали основой для дискуссии. Анализируя тематику прочитанных на секции докладов, можно установить определенные тенденции. Среди отраслей языкознания доминировали фонетика/фонология и синтаксис. Согласно программе и сборнику тезисов, по восемь докладов было посвящено этим двум отраслям. Естественно, определение темы докладов, отнесенных к одной дисциплине, тоже многокрасочно, ведь шкала простирается от рассмотрения какого-либо конкретного явления в одном из уральских языков через общий анализ до реконструкции праязыка.

Остальные области (напр., морфология, лексика, семантика, науковедение, контрастивный анализ, контакты отдаленных друг от друга языков), как правило, представлены были двумя — четырьмя докладами.

Поскольку прозвучавшие на заседаниях доклады по содержанию очень в немногом отошли от своих резюме, представленных в сборнике тезисов, а потому последний позволяет получить общее представление о работе секции, кроме того, ожидается и выход в свет еще до опубликования данного обзора томов с текстами зачитанных на конгрессе докладов, не считаю целесообразным подробно останавливаться на всех докладах. Вместо этого выделю несколько докладов, которые, на мой взгляд, вызвали всеобщий интерес.

Вопросы, связанные с языковыми контактами уральских или финно-угорских языков с более отдаленными языками, затрагивались многими выступавшими.

Ирен Дь. Хегедюш (Венгрия), сторонница неостратической теории, в своем

докладе анализировала такие встречающиеся в UEW реконструкции, которые имеют соответствия в юкагирском и/или в алтайском, а также и далее — в индоевропейских языках, дополнив эти данные сведениями из остальных, отнесенных к ностратической семье языков. К отдельным этимологиям, которые согласно UEW, не имеют явных членов за пределами уральских языков, привязываются новые соответствия из некоторых групп ностратических языков. Вопрос остается открытым, несмотря на ностратический этимологический словарь. Во всяком случае для предположения о лексических совпадениях на уровне таких временных глубин необходимо выработать, а скорее уточнить основы методологии.

Важность исследования палеосибирских языков с точки зрения уралистики подчеркнул Янош Пустай (Венгрия). По его мнению, образование пермско-уральских грамматических категорий, моделирование внутренних основополагающих языковых изменений в большой мере проясняет анализ типологически сходных с уральскими, находящихся в ареальной связи с ними (очевидно, и с протоуральскими) палеосибирских языков. На этой основе можно моделировать образование пермско-уральских языков, их состав, т.е. внутри уральской языковой семьи возможны перегруппировки определенных компонентов отдельных языковых групп.

Ласло Дежё (Венгрия—Италия) занимается типологическими вопросами уральского и индоевропейского праязыков. Он поднял в докладе два вопроса: 1) строение и парадигматика слова (агглютинация, падежная система, аспект); 2) типы и порядок слов в предложении (активная и номинативная структуры, варианты типа SOV).

Урало-индоевропейские языковые связи рассматривала и В. Д. Фатнева (СССР). По ее предположению, одна из основ числительного «два» одинакова в финно-угорском и индоевропейском праязыках, и эта основа в протоиндоевропейском **h₂*-. В протоиндоевропейском языке **h₂*- представлял собой основу личного местоимения двойственного числа, которая при склонении и спряжении является

суффиксом парадигмы двойственного числа. По Фатневой, исконным значением суффикса было и '2'. В то же время в финно-угорских и селькупском языках имеется основа *n-*, которая когда-то могла иметь значение '2', а сегодня сохранилась в числительных со значением '10' (напр. венг. *nyolc* и т. д.), отсюда '8' сложилось в системе '2—10'. Соответствие, которое по крайней мере с точки зрения уральских языков весьма спорно, образовалось при древних контактах индоевропейских и финно-угорских языков.

Праязыковые сочетания согласных представляют собой один из существенных вопросов пермско-уральской фонотактики, к которому обращались многие выступавшие. Марианне С. Бакро-Надь (Венгрия) анализировала вопрос на базе UEW. В ходе диахронического анализа автор учла также результаты изучения типологии и универсалий. Она пытается с помощью фонотактики выявить различие между пермско-уральскими и пермско-финно-угорскими языками. Результаты заслуживают внимания, хотя — именно из-за неполноты UEW (например, не привлечение самодийских данных при проведении реконструкций) — частично могут оказаться и обманчивыми.

Наличие амбивалентных основ в уральских языках считается обычно явлением пермско-уральским, а то и еще более ранним. В то же время, как выяснилось из доклада Йоханны Лааксо (Финляндия), есть много амбивалентных основ, не принадлежащих к пермско-уральскому наследию. Например, в эстонском языке в ходе звукоизменений образовались такие основы, которые в описанном аспекте можно принять и как результаты конверсии. И. Лааксо считает, что необходимо проанализировать исконные глагольно-именные основы, чтобы обнаружить характерные для них признаки. В этом смысле следует изучить и выполненные ранее работы.

Тамотсу Койзуми (Япония), исследуя порядок слов уральских языков, пришел к убеждению, что необходимо различать восточные и западные уральские языки (как это еще раньше заметил Комри). Для принадлежащих к западной группе языков характерен порядок SVO, а к восточной — SOV. Порядок SVO автор объясняет влиянием германских и славянских языков. Он обращает внимание на

то, что в горномарийском языке сказуемое находится в начале предложения, тогда как в лугово-марийском — в результате тюркского влияния — в конце предложения. Т. Койзуми считает, что горномарийский и коми-зырянский представляют собой более ранний период развития уральского синтаксиса именно потому, что сказуемое в них находится в начале или середине предложения.

А. А. Ким (СССР) охарактеризовала тенденции общего развития посессивных категорий в уральских языках. Рассмотренные явления можно обобщить в четырех пунктах: 1) упрощение системы посессивных суффиксов относительно обозначения лица; 2) упрощение этой системы относительно обозначения числа; 3) иное применение посессивных суффиксов, точнее применение в ограниченной степени; 4) замена посессивных суффиксов аналитическими конструкциями.

После анализа внутренней структуры уральской языковой семьи Пекка Саммаллахти (Финляндия) установил, что сложившееся представление о родственных связях между уральскими языками в основе своей верно. Наряду с этим он предложил новое графическое изображение этого родства. По моему мнению, напротив — многие вопросы нуждаются в дополнительном исследовании с применением синхронии и диахронии в комплексе. По-прежнему не представляется убедительным включение саамского языка; необходимо изучить возможность изменения отношений внутри языковой семьи. Вполне допустимо, что отдельные языки за время, прошедшее после распада языка-основы, выделившись из своей исконной группы, сближаются с другими языками (например, мордовские).

Тибор Микола (Венгрия) продемонстрировал новый, отличающийся от известных по специальной литературе случай фонологической нейтрализации. В некоторых самодийских языках, а также в хантыйском и мордовских можно наблюдать, что отдельные смычные, прежде всего *t*, *k*, *p* и *s*, сливаются в один звук, и обычно этим звуком является *h* или гортанный смычный ('). По общепринятому мнению, нейтрализация осуществима лишь в случае одномерных или билатеральных противопоставлений, тогда как по примерам из упомянутых уральских языков это не служит основным условием.

Э. С. Якимову (СССР) интересует коннотативный аспект семантики фразеологий, т. е. фразеологическое единство с экспрессивно-эмоциональным оттенком, с помощью которого говорящий передает свое отношение к излагаемому. Это коннотативное содержание тесно связано с национальной культурой, традициями, образом жизни определенного народа. Автор несколькими примерами проиллюстрировала, что отдельные финно-угорские народы для одного и того же содержания пользуются той же или сходной фразеологией.

Вопрос о переводах-кальках Корнелиус Хасселблатт (Финляндия) рассмотрел относительно эстонского и немецкого языков. Основой доклада послужила монография, которая после конгресса уже опубликована; автор разбирает в ней немецкий фон эстонских приставочных глаголов. В докладе проводится типизация случаев соответствий в двух языках. Как доклад, так и — и даже в большей степени — монография могут стать отправной точкой для дальнейших исследований, поскольку круг этих вопросов и в эстонском языкознании считается пока ничейной землей.

Дюла Пацолаи (Венгрия), с именем которого связаны многочисленные работы по сопоставительному анализу и сбору пословиц и поговорок, рассматривает родственные черты пословиц финно-угорских народов с таковыми у других народов. Пословицы народов, живущих по соседству и/или имеющих тесные связи иного рода, отражают большое сходство между собой. Так, многие венгерские по-

словицы обнаруживают немецкое, латинское или общее индоевропейское влияние (интересно, что гораздо меньше число славянских соответствий). Часть эстонских пословиц тоже через немецкий язык включается в сферу европейской культуры; другие пословицы имеют финско-карельские, балтские (главным образом латышские) и славянские соответствия. Марийские пословицы и поговорки через посредство русского языка подключаются к европейскому слою пословиц. Более тесные взаимосвязи можно отметить в финско-шведской, финско-карельско-эстонской, русско-вепсской, ливско-латышско-эстонской реляциях.

Выдающийся исследователь истории финно-угорского языкознания Гюнтер И. Штипа (Финляндия) — см., например, его новейшую импозантную монографию «*Finnisch-ugrische Sprachforschung (Renaissance — Reformation — Aufklärung — Romantik — Positivismus)*», Helsinki 1990, — говорил о методологии структурального и типологического исследования уральских языков в эпоху Просвещения, в первую очередь о заметках Лоренцо Херваса и Пандуро. Херваса можно рассматривать как первого типолога языков, который заявил, что не существует одного единственного древнего языка, а независимо друг от друга формировалось несколько языков. На базе основных структурных элементов Хервас установил типы языков. Относительно уральских языков он утверждал, что они относятся к одной языковой семье, но в качестве таковой не принадлежат ни Европе, ни Азии.

ЯНОШ ПУСТАИ (Будапешт—Печ)

В секции «Прибалтийско-финское, эстонское и саамское языкознание» было прочитано 50 докладов (секция «Финское языкознание» работала отдельно). Доклады общеприбалтийско-финской тематики (6) касались морфологии.

Илкка Савиярви (Йоэнсуу) провел сопоставление пассива и 3-го лица множественного числа в диалектах финского, карельского и вепсского языков. Он отметил, что употребление форм пассива в 3-м лице множественного числа едино-

образно в карельском языке, в вепсском и финском по диалектам обнаруживаются различия. Русское влияние усмотреть здесь трудно. Влияние свое оказало возвратное спряжение глагола.

Ларс-Гуннар Ларссон (Уппсала) дал обзор описаний объектных падежей в прибалтийско-финской грамматической литературе, уделив особое внимание паритиву. Матти Пунтила (Хельсинки) говорил о возможностях выражения тождественности. При этом он выделил шесть типов. Джоул Ашмор Невис (Огайо, Ко-